

RU

Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в период нэпа

Тумурхонова Н. В., Будаева Т. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей реализации мероприятий новой экономической политики по восстановлению сельского хозяйства в условиях Бурят-Монгольской АССР. Научная новизна обусловлена введением в научный оборот широкого круга источников – архивных документов, материалов статистики и местной периодической печати, на основе которых впервые были рассмотрены некоторые детали реализации нэпа в аграрном секторе Бурят-Монгольской АССР. В результате исследования установлено, что меры, направленные на восстановление аграрного производства Б-МАССР, такие как единый сельскохозяйственный налог, аренда земли, найм рабочей силы, землеустройство, носили половинчатый характер и позволили лишь частично преодолеть кризисные явления, в целом сельскому хозяйству республики были присущи экстенсивный характер развития и применение примитивных методов его ведения.

EN

Agriculture of the Buryat-Mongolian ASSR in the Period of New Economic Policy

Tumurkhonova N. V., Budaeva T. V.

Abstract. The paper aims to reveal specificity of the measures taken within New Economic Policy to restore agriculture of the Buryat-Mongolian ASSR. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on a wide range of previously unpublished sources (archival documents, statistical reports, materials of the local periodical press), the authors examine realization of New Economic Policy in the agrarian sector of the Buryat-Mongolian ASSR. The conducted research allows concluding that the measures aimed to restore agricultural industry of the Buryat-Mongolian ASSR, such as single agricultural tax, land renting, recruitment of workers, land management, were half-hearted and only partially effective in overcoming crisis. On the whole, the republican agriculture remained extensive and low technological.

Введение

Актуальность темы. Новая экономическая политика – уникальное явление в отечественной исторической практике, в ходе ее реализации была выстроена модель взаимодействия государственного регулирования экономики и рынка, что позволило преодолеть кризисные явления и восстановить народное хозяйство и даже превзойти довоенный уровень в некоторых отраслях. Также нэп характеризовался серьезными противоречиями, вызвавшими к жизни ряд кризисов и послужившими закономерными причинами его свертывания и перехода к командно-административной системе управления экономикой. Глубокое понимание и осмысление новой экономической политики невозможно без обращения к региональной практике, т.к. ее реализация на местах имела свою специфику, обусловленную особенностями хозяйственной деятельности регионов, сформированными под влиянием социально-экономических, культурных, природно-климатических, политических условий территорий.

В рамках данного исследования были рассмотрены некоторые мероприятия новой экономической политики, направленные на восстановление сельскохозяйственного производства Бурят-Монгольской АССР, т.к. именно аграрный сектор составлял основу экономики региона.

Основными задачами статьи являются: изучение положения сельскохозяйственной отрасли республики на начальном этапе реализации нэпа; характеристика основных мероприятий нэпа в деревне; рассмотрение итогов развития аграрного сектора региона в период с 1923 г. по 1928-1929 гг. Методологическую основу исследования составили основные принципы исторической науки – историзма и объективности, исторические методы – хронологический, историко-генетический, метод статистического анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы, представляющие региональную историографию развития сельского хозяйства Байкальского региона в 1920-х гг., значительно обогатившуюся в последние десятилетия трудами историков-аграрников Л. А. Зайцевой, Т. В. Будаевой, В. В. Иванова, В. Ю. Алексеевой, Н. В. Тумурхоновой [1; 21-23; 33; 34]. Отдельно следует отметить труды А. М. Плехановой [26; 27] и коллективную монографию А. М. Плехановой, Д. К. Чимитовой, В. В. Номогоевой [28], ставшую первой комплексной работой, анализирующей особенности социально-экономического развития Б-МАССР в период нэпа.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов при подготовке обобщающих исследований по истории сельского хозяйства Бурятии и Сибири в период нэпа, а также в образовательных целях при чтении курсов лекций по региональной истории.

Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР на начальном этапе реализации нэпа

Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована в 1923 г. декретами ВЦИК РСФСР от 30 мая и 13 июня в результате объединения Бурят-Монгольских Автономных областей ДВР и РСФСР и некоторых районов Прибайкальской губернии [24, с. 1; 29, д. 685, л. 108, 121]. В состав новой республики вошли восемь аймаков, столицей стал город Верхнеудинск. Общая площадь республики составила 338 тыс. кв. верст, численность населения – 448,2 тыс. чел., из которых 417,6 тыс. чел. (93%) проживало в сельской местности [29, д. 685, л. 129, 163 об., 166].

В основе сельского хозяйства Б-МАССР к началу 1920-х гг., в силу сложившихся природно-климатических и географических условий, лежало кочевое скотоводство, развитое у бурят, на него приходилось 52% валовой сельскохозяйственной продукции, традиционно разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов. Русское население было занято земледелием, доля которого составляла 45%, основными культурами, возделываемыми в регионе, являлись яровая рожь, пшеница, овес. 3% валовой сельскохозяйственной продукции приходилось на промыслы (рыболовство, охота). Крестьянское хозяйство имело преимущественно потребительский характер, товарное производство было развито крайне слабо и не покрывало в полном объеме потребностей местного рынка. К 1923 г. в результате негативного влияния революционных событий, Гражданской войны, американской и японской интервенции на развитие аграрного сектора произошло значительное сокращение посевных площадей, поголовья скота, наблюдался дефицит сельскохозяйственного инвентаря, регион оказался отрезан от традиционных хлебных рынков, на фоне чего обострился продовольственный вопрос. Валовый сбор продовольственных хлебов составлял лишь 40% от потребностей региона. По сравнению с 1916/1917 г. посевные площади сократились на 36,1% и составляли 157 597,57 дес., так посевы овса сократились на 43,8%, ярицы – на 39,3%, ячменя – на 37,3%. В среднем на одно хозяйство в 1923 г. приходилось от 0,16 в скотоводческих и до 3 дес. посевов в земледельческих аймаках [18, д. 514, л. 19]. Посевы свыше 3 дес. земли имели 20% хозяйств, до 3 дес. – 59%, 21% не имели посевов вовсе. Основными системами полеводства являлись двухполье и трехполье, в некоторых районах сохранялась залежная система. Тяжелый ущерб был нанесен и животноводству. Поголовье скота сократилось на 38,1%, в том числе лошадей – на 32,3%, крупного рогатого скота – на 36,3%, овец – на 40,4% и свиней – на 57,7% [5, с. 48]. В 1922 г. в результате засухи, охватившей ряд районов Восточного Забайкалья, наблюдался неурожай хлебов и трав, спровоцировавший голод населения и падеж скота. Ситуация усугублялась общим низким уровнем применяемых в хозяйствах республики агротехнических средств и приемов, отсутствием подготовленных кадров, а также запутанностью земельных отношений и резко обострившимся земельным вопросом.

Одними из главных задач, поставленных перед руководством республики, стали восстановление сельского хозяйства, реализация политики Советского государства в области аграрного производства, решение земельного вопроса (справедливое наделение землёй, проведение землеустроительных работ).

Реализация основных мероприятий нэпа на территории Б-МАССР

Процесс восстановления народного хозяйства в Б-МАССР начался после завершения территориальных преобразований. К 1923-1924 гг. основой государственной политики управления аграрным производством являлся нэп, переход к которому был провозглашен на X съезде РКП(б) в 1921 г. Основными мероприятиями нэпа в области сельского хозяйства стали: введение продналога, разрешение аренды земли и найма рабочей силы, проведение землеустроительных работ, развитие сельскохозяйственной кооперации и др.

Несмотря на единую систему мероприятий, реализация нэпа на территории республики имела свои характерные черты. Во-первых, большая часть территории Б-МАССР с 1920 г. по 1922 г. входила в состав Дальневосточной республики (ДВР), главной задачей, стоявшей перед ее правительством, являлось освобождение территории от иностранной интервенции, поэтому экономико-восстановительные мероприятия реализовывались крайне медленно. Активные восстановительные процессы на территории, вошедшей в состав Б-МАССР, начались только с образованием республики в 1923 г.

Во-вторых, в основе экономики ДВР сохранялся капиталистический уклад, на ее территорию фактически не распространялись декреты советской власти, исключение составил Декрет о земле, подтверждавший конституцией ДВР, но не реализованный на практике. Закон о земле ДВР разрешал аренду земли, применение

наемного труда в сельском хозяйстве, допускалось ведение на земле капиталистического предпринимательства [32, с. 285-286]. В целом в основе экономической политики ДВР лежало сохранение частной собственности и свободы торговли. Таким образом, ко времени вхождения ДВР в состав РСФСР и началу советизации региона территория восточной части Б-МАССР не испытывала тяжести политики военного коммунизма. Экономика края в целом соответствовала сущности нэпа и не требовала коренных изменений. Исключение составляли территории Б-МАО РСФСР, где действовала продразвёрстка, спровоцировавшая рост контрреволюционных выступлений в ряде аймаков.

Первым мероприятием, реализованным в рамках нэпа на территории Б-МАССР, стало изменение налоговой системы, был введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), установленный Декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. и объединивший все налоги сельского населения. В отличие от соседней Иркутской губернии, где налог уплачивался деньгами, для Б-МАССР была установлена натурально-денежная форма налогообложения, направленная на более эффективный сбор налоговых платежей ввиду недостаточной развитости торговых отношений и дефицита денежных средств у крестьянства. К сбору натурального налога были привлечены кооперативы в лице Буркоопсоюза и его филиалов [8, с. 1]. В счет налога принимали рожь, пшеницу, ячмень, овес в зерне, скот, мясо, топленое масло, сало, кожи, овчины, пушнину, нерпичьи шкуры, шерсть, орехи, омуль и пр. Прием денежных средств осуществлялся через волостные и хошунные исполкомы [6, с. 1; 7, с. 3]. По оценке правительственных органов, в 1923 г. налог в Б-МАССР уплачивался преимущественно в натуральной форме, чему способствовало установление «выгодных» цен на сельхозтовары, сдаваемые в счет продналога.

В связи с взятием советским правительством курса на развитие товарно-денежных отношений в условиях нэпа, укреплением системы государственных финансов с 1924 г. ЕСХН повсеместно стал взиматься деньгами, что в целом способствовало росту товарности крестьянского хозяйства. 30 апреля 1924 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была введена прогрессивная шкала налогообложения. В Б-МАССР размер налога определялся для земледельческих хозяйств исходя из размера посевных площадей, для скотоводческих – количества скота (единицей налогообложения при ЕСХН являлся рабочий скот и крупный рогатый скот, но, согласно декрету ЦИК и СНК СССР, Б-МАССР вошла в перечень регионов, где налогообложению подлежал и мелкий рогатый скот), также при расчете налога учитывались сенокосные угодья, количество едоков. В 1923-1924 гг. в Б-МАССР средний размер налога для земледельческих хозяйств составил 18 руб. 38 коп., скотоводческих – 19 руб. 79 коп. Наиболее высокие налоговые ставки были установлены для хозяйств Верхнеудинского и Тункинского аймаков – 23 руб. 9 коп. и 30 руб. 10 коп. соответственно [12, с. 72].

Установленная система налогообложения не обеспечивала полного охвата крестьянских хозяйств, для хозяйств, занятых промыслами, налог был значительно ниже. Так, например, крестьянство Горячинской волости Баргузинского аймака, занятое охотой и рыбной ловлей и имевшее значительный доход от данных промыслов, уплатило налог в 1926 г. в среднем 2 руб. 20 коп. с хозяйства [3, с. 50].

Со временем налог приобрел ярко выраженный классовый характер, большая часть налоговой нагрузки легла на зажиточные хозяйства. К 1927 г. в среднем по республике налог на бедняцкое хозяйство составлял 3 руб. 93 коп., середняцкое – 18 руб. 90 коп., зажиточное – 57 руб. 10 коп. [19, д. 207, л. 38]. К 1929 г. размер налогов для бедняцких и середняцких хозяйств сократился до 1 руб. 60 коп. и 17 руб. 80 коп., при этом около 67,8% бедняцких хозяйств были полностью освобождены от налогов, а 76,9% середняцких имели льготы. Размер налога для кулаков значительно вырос и стал составлять 95 руб., наибольший размер налога приходился на хозяйства Агинского аймака, специализировавшиеся на мясомолочном скотоводстве, – 153,4 руб. [2, с. 312-313]. Таким образом, налог для кулацких хозяйств был практически в 60 раз выше, чем для бедняцких.

На протяжении всего периода реализации нэпа в ЕСХН вносились неоднократные изменения. В 1928 г. был введен налог на неземледельческие заработки, для зажиточных хозяйств вводились налоговые надбавки и начисление налогов не по средним нормам, а в индивидуальном порядке, был расширен круг сельскохозяйственных отраслей, облагавшихся налогом. С 1928-1929 гг. были обложены налогом пчеловодство и свиноводство. Все эти меры привели к увеличению в 1928-29 гг. суммы сбора налога, при этом стало проявляться недовольство со стороны крестьянского населения, выражавшееся в росте количества жалоб, неуплате налогов, сокрытии объектов налогообложения. В 1926 г. было описано имущество 3955 хозяйств, в 1928 – 2356 хозяйств, при этом 163 человека были осуждены [3, с. 50; 4, с. 156]. В целом налоговая политика противоречила сущности нэпа, в условиях прогрессивной шкалы налогообложения крестьянские хозяйства не были заинтересованы в наращивании производственных мощностей, а наоборот, стремились к их сокращению и превращению в потребительские путем уменьшения площади посевов, сокращения поголовья скота, дробления на более мелкие хозяйственные единицы. Так, например, в Верхнеудинском аймаке, одном из наиболее земледельческих, где было сосредоточено старообрядческое население, традиционно имевшее «крепкое хозяйство», с 1925 г. по 1926 г. посевные площади сократились на 8,4%.

Широкое развитие на территории Б-МАССР в условиях нэпа получили арендные отношения, чему способствовало принятие 20 мая 1925 г. постановления III Съезда Советов СССР об увеличении сроков аренды земель до двух севооборотов при многополье и до 12 лет при трех- и четырехполье, разрешении сдачи государственных фондовых земель сроком свыше 12 лет, а также разрешении использования наемного труда на арендованных землях.

Проследить динамику распространения аренды позволяют материалы сельхозпереписи 1923 г., охватившей восточные аймаки республики, а также данные динамической переписи 1929 г. За период с 1923 г.

по 1929 г. количество хозяйств, арендующих пашенные и сенокосные угодья, увеличилось с 16,9% до 23% [2, с. 308-309; 31, с. 66-67]. Активнее арендные отношения были развиты у русского крестьянства, бурятское население, в силу лучшей обеспеченности земельными угодьями, чаще выступало арендодателями. В 1927 г. среди русского крестьянства к аренде прибегало 50,4% [10, с. 18]. На территории Б-МАССР более распространенной являлась аренда земель отдельными хозяйствами, практика аренды и сдачи земли отдельными земельными обществами фактически отсутствовала.

По данным переписи 1929 г. к земельной аренде прибегало около 20% середняцких и 36% кулацких хозяйств, что свидетельствует о развитии капиталистической аренды. В среднем в регионе арендованных земель на одно хозяйство приходилось 2,2 дес. пашни и 2,9 дес. покоса, при этом следует отметить, что для кулацких хозяйств средние показатели значительно превышали общереспубликанские данные и составляли по 5 дес. [2, с. 308-309]. На кулацкие и середняцкие хозяйства приходилось 95% всей арендованной пашни и сенокосных угодий. Большая часть земель сдавалась хозяевами за деньги, но в условиях Б-МАССР встречались отработка и натуральная плата.

Сопутствующим элементом развития арендных отношений и восстановления элементов рыночной экономики в условиях нэпа был найм рабочей силы. По данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., к наемному труду в Сибири прибегало около 32% крестьянских хозяйств [34, с. 116]. В условиях экономического кризиса, порожденного революцией и Гражданской войной, доля наемных рабочих в сельском хозяйстве стала сокращаться. К 1923 г. доля хозяйств, использовавших наемный труд по восточным аймакам Б-МАССР, сократилась до 4%, в западных аймаках доля наемного труда также была минимальна, что обуславливалось распространением действия на территорию Предбайкалья декретов о запрещении использования наемного труда.

С целью регулирования взаимоотношений нанимателя и работника 9 ноября 1922 г. был принят Кодекс законов о труде, а 18 апреля 1925 г. постановлением СНК СССР были утверждены временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах. Согласно правилам условия найма должны были определяться письменным соглашением, регистрировавшимся в сельских советах [11]. На фоне восстановления сельского хозяйства, увеличения посевов, роста поголовья скота найм рабочей силы в аграрном секторе значительно активизировался. К 1929 г. наемных рабочих использовали 22% крестьянских хозяйств республики. Наемный труд применялся в различных типах крестьянских хозяйств, однако наибольшее распространение получил в зажиточных земледельческих хозяйствах, где его использовали 73,1% хозяйств, что было обусловлено рыночной природой мелкокапиталистических производителей. В зажиточных хозяйствах средние сроки найма рабочих варьировались от 87 до 136 дней. Среди других типов хозяйств доля наемного труда была следующей: бедняцкие – 11,9%, середняцкие – 21,5%; при этом сроки найма были значительно меньше – от 0 до 21 дня, что свидетельствует о его потребительском характере. Основными формами найма рабочих являлись найм годовых, сроковых, подневных, сдельных рабочих и отработка.

С началом реализации нэпа крестьянское хозяйство региона стало остро нуждаться в денежных средствах, в этих условиях широкое распространение среди сельского населения получили кредитные кооперативы. В 1924 г. было создано общество сельхозкредита, специализировавшееся на выдаче краткосрочных и долгосрочных (3 года) ссуд на приобретение семян, орудий труда, машин, рабочего скота, породистого скота, устройство прокатных и зерноочистительных пунктов, оборудование маслодельных и сыроваренных заводов, производство мелиоративных работ. Всего с 1924 г. по 1927 г. в сельское хозяйство республики было вложено 3,5 млн руб. кредитных средств, из которых 75% приходилось на государственную поддержку, а 25% – на кредитные кооперативы [21, с. 34]. К недостаткам кредитной политики периода нэпа следует отнести классовый принцип кредитования, большая часть средств была выделена маломощным бедняцким и середняцким хозяйствам, а также колхозам. Что касается зажиточного крестьянства, доля его кредитования к 1929 г. составила лишь 2%. Нерациональное распределение кредитных средств приводило к просрочкам и невыплатам кредитов.

Первоочередной задачей в условиях нэпа стало решение земельного вопроса, т.к. земельные отношения на территории Б-МАССР оказались крайне запутанны. Главной проблемой было неравномерное землепользование. Нормы удобной земли на одного едока по различным аймакам и категориям хозяйств были не одинаковы, в Баргузинском аймаке в среднем на одно хозяйства у бурятского населения приходилось 12-15 дес., у русского – 3 дес.; в Хоринском аймаке – 10-12 дес. и 7-8 дес.; в Троицкосавском аймаке – 2-14 дес. и 11 дес. соответственно; в Агинском аймаке разница земельных норм по сомонам составляла на одного едока от 11 до 140 дес. Средняя норма обеспеченности землей у русского и бурятского населения была 1:2 [25, с. 87]. Это неравенство между различными земельными обществами так и не было ликвидировано, что служило причиной постоянных земельных конфликтов. Больше всего самовольных захватов земель бурятских земельных обществ было русскими крестьянами. Последние считали, что у бурят много пустующих земель. Однако это было обусловлено спецификой ведения хозяйства, для экстенсивного скотоводства требовались значительные земельные пространства.

Наиболее остро проблема земельных отношений стояла в Кижингинском, Батанай-Харганатском, Гочитском, Чикойском, Баргузинском хошунах и аймаках. Особенно в Батанай-Харганатском хошуне, где у бурятского населения не только захватывались земли, но и совершались в отношении них грабежи и убийства. Некоторые бурятские общества совсем лишились покосов, так Зангин-Кундуевский сомон остался без покосных угодий в результате самовольных захватов со стороны жителей с. Гашей. Крестьяне с. Куналей заняли покосы Галтайского и Сутайского сомонов. Хонхолойцы заняли угодья Баумского сомона. Таким образом, в результате самовольных захватов крестьян бурятские общества в общей сложности потеряли 33 357 дес. удобных земель [15, д. 531, л. 251].

Правительство поставило задачу провести работы по землеустройству, начать решено было с восточных районов ввиду обострения в отдельных аймаках земельных споров. Правда, если население в западных аймаках изъявляло желание провести работы по землеустройству, то частично они проводились за счёт собственных средств населения [13, д. 436, л. 9].

К 1923 г. только 6 млн дес. земли (17,2%) находилось в пользовании населения, из них землеустройство было проведено на 2 636 тыс. дес. (35%), необходимо было землеустроить ещё 3 490 тыс. дес. [Там же, л. 12, 14]. Существовали еще и земли свободного земельного фонда – более 1 млн дес. Предполагалось, что они будут распределены между малоземельными крестьянами, но выяснилось, что распределять почти нечего, т.к. половина земель – леса или малопригодные для обработки участки, около 15% фонда расхищено, оставшиеся 35% земель еще не были обследованы [17, д. 957, л. 1]. Помимо этого, не были установлены и нормы наделения землей [30, с. 14].

К 1923 г. основными формами землепользования в республике являлись общинное, захватное и заимочное, товарищеский способ землепользования был редким явлением. Развёрсточной единицей была мужская душа. С образованием Б-МАССР были введены новые развёрсточные единицы: для сельскохозяйственных хозяйств – едок, скотоводческих – скот, в районах, где основным занятием был извоз, – лошадь [15, д. 531, л. 243].

Первоочередной задачей для решения земельных конфликтов правительство считало необходимым определить границы фактического пользования различных групп населения, прежде всего между скотоводами и земледельцами, а также между сословными группами.

При организации землеустроительных работ Наркомзем столкнулся с проблемой нехватки квалифицированных специалистов, большая часть из имевшихся землеустроителей закончила только краткосрочные курсы. В 1923/24 г. в республике было 14 техников-землеустроителей, а в 1924/25 г. – 5 чел. административного персонала и 29 техников. Денежные ассигнования, отпускаемые на землеустройство, были небольшими, так, в 1923 г. было отпущено 43 тыс. руб., в 1924 г. – 54 тыс. руб. [16, д. 86, л. 1].

Из-за нехватки денежных средств землеустроительные работы не были завершены до конца 1920-х гг. Так, межселенное землеустройство было выполнено на 29%, внутриселенное – на 3% [13, д. 11, л. 150].

Итоги развития аграрного сектора региона в период с 1923 г. по 1928-1929 гг.

Мероприятия, предусматривавшиеся нэпом для реализации в области сельского хозяйства – изменение налоговой системы, разрешение аренды земли, найма рабочей силы, начало решения земельного вопроса и пр., – позволили частично восстановить аграрное производство Б-МАССР. С 1924 г. начинается постепенный рост посевных площадей. В 1925 г. площадь посевов составила 218 тыс. дес. (77,8% от уровня 1916/1917 г.), в 1926 г. – 232 тыс. дес. (82,8%), в 1927 г. – 251 тыс. дес. (89,4%). К 1928 г. посевные площади республики были восстановлены на 97,5% от уровня 1917 г. [18, д. 514, л. 29; 20, с. 11]. При этом произошли изменения в распределении посевов между отдельными культурами, увеличились посевы технических культур, пшеницы, гречихи. Однако по-прежнему большая часть пашни была отведена под посевы яровой ржи. Постепенно увеличивался валовый сбор зерна, к 1929 г. он составил 212,8 тыс. тонн, что составляло 95,2% от уровня 1923 г.

Поголовье скота восстанавливалось более быстрыми темпами, к 1926 г. его численность составила 2082 тыс. голов (98%), а к 1928 г. превысила уровень 1916/1917 г. на 36% [Там же]. К 1929 г. Б-МАССР вышла на первое место по средней обеспеченности крупным рогатым скотом и второе – по обеспеченности лошадьми и овцами. Общее поголовье достигло численности 3220 тыс. голов. Следует отметить, что восстановление поголовья скота происходило в первую очередь за счет увеличения численности мелкого рогатого скота, прежде всего овец. Численность крупного рогатого скота росла крайне медленно, что привело к изменениям в структуре стада.

Для восстановления сельского хозяйства республики использовались традиционные экстенсивные методы восстановления, при этом качественных изменений практически не происходило. Характерными чертами сельского хозяйства республики оставались низкая урожайность, примитивные методы полеводства, отсутствие практики удобрения полей, низкосортность семян, круглогодичное содержание скота на подножном корму, отсутствие практики заготовки фуража, частые массовые случаи заболевания скота. Также следует отметить слабую техническую оснащенность, обеспеченность техникой, простейшими машинами и орудиями труда составляла около 50%, обработка полей производилась простыми самодельными сохами, плугами, деревянными боронами, уборка была преимущественно ручная – «при помощи серпов и кос», усовершенствованные сельскохозяйственные орудия являлись редкостью [18, д. 364, л. 4-5]. Сельскохозяйственное производство республики являлось малопродуктивным и низкотоварным.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что практика реализации новой экономической политики на территории Б-МАССР имела свои особенности. Во-первых, кризисные явления, возникшие в сельском хозяйстве региона в силу сложившихся геополитических условий и обострившиеся на фоне неурожая, значительно затянулись. В результате реализация нэпа на территории Б-МАССР началась позже, в сравнении с другими регионами Сибири, только с 1923 г. Во-вторых, система хозяйствования не потребовала с введением нэпа серьезных изменений, т.к. на большей части территории республики ввиду ее вхождения в состав ДВР не действовали

декреты советской власти и сохранялся капиталистический уклад. В-третьих, сельское хозяйство республики имело национально-хозяйственную специализацию. Специфика ведения хозяйства бурятским и русским населением отражалась в первую очередь на системе землевладения и землепользования, большая часть земель была закреплена за бурятским хозяйством, поэтому при решении земельного вопроса необходимо было учитывать национальные интересы. Однако ввиду отсутствия денежных средств, подготовленных кадров земельный вопрос остался нерешенным. Помимо этого, несмотря на развитие системы финансовой помощи посредством сельхозкредитования и вложения денежных средств, аграрный сектор республики оставался отсталым и малопродуктивным.

В целом новая экономическая политика носила ярко выраженный классовый характер и была ориентирована прежде всего на улучшение положения беднейшей части деревни, которая фактически не участвовала в производстве товарной сельхозпродукции и не играла значительной роли в развитии аграрного производства. Мероприятия, направленные на восстановление аграрного сектора в условиях нэпа на территории Б-МАССР, не всегда отвечали условиям республики и не были реализованы в полном объеме. В целом практика реализации новой экономической политики противоречила сущности нэпа и требовала урегулирования взаимоисключающих задач. Коренные проблемы сельского хозяйства Б-МАССР в условиях нэпа не были устранены, их постепенное решение развернется в 30-х гг. XX в.

Список источников

1. Алексеева В. Ю. Единоличное крестьянское хозяйство Забайкалья (1917-1937 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 2013. 24 с.
2. Бурятия в цифрах: статистико-экономический справочник 1927-1930. Верхнеудинск: Изд-во Госплана Б-МАССР, 1931. 508 с.
3. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика. Очерки и отчеты 1925-1926 гг. Верхнеудинск: Издание Госплана Б.М.А.С.С.Р., 1927. 224 с.
4. Бурят-Монгольская АССР: материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27 - 1927/28 гг. Верхнеудинск: Издание ЦИК и СНК Б-МАССР, 1927. 237 с.
5. Бурят-Монгольская АССР за 10 лет: материалы к докладу правительства Бурят-Монгольской АССР на пятой юбилейной сессии ВЦИК БМАССР о советском хозяйственном и социально-культурном строительстве за 1923-1933 гг. Иркутск: ОГИЗ, 1933. 136 с.
6. Бурят-Монгольская правда. 1923. 2 октября.
7. Бурят-Монгольская правда. 1923. 1 ноября.
8. Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 ноября.
9. Бурят-Монгольская правда. 1924. 20 апреля.
10. Воскобойников Л. И. К вопросу об арендных отношениях // Буряттиеведение. 1927. № 3-4. С. 17-20.
11. Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах [Электронный ресурс]: Постановление СНК СССР от 18 апреля 1925 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5448#06593094893296301> (дата обращения: 10.11.2020).
12. Второй съезд Советов Бурят-Монгольской АССР, март 1925 г. Верхнеудинск, 1925. 188 с.
13. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1. Оп. 1.
14. ГАРБ. Ф. 93с. Оп. 1.
15. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1.
16. ГАРБ. Ф. 472. Оп. 1.
17. ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1.
18. ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1.
19. ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 13.
20. За индустриализацию Советского Востока: сборник. М.: Центральное бюро краеведения, 1934. 288 с.
21. Зайцева Л. А. Сельское хозяйство Бурятии в XX в.: опыт и проблемы развития: монография. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2011. 320 с.
22. Зайцева Л. А., Будаева Т. В. Земельные отношения и хозяйственная деятельность народов приграничных районов Бурятии и Монголии в XX веке: монография. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2018. 134 с.
23. Иванов В. В. Советское государство и крестьянство в 1920-1927 гг.: опыт взаимовлияния (на материалах Приангарья): дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 2017. 270 с.
24. Красный Бурят-Монгол. 1923. 1 августа.
25. Мангутов Н. Р. Ликвидация дореволюционных земельных отношений в Советской Бурят-Монголии (1917-1933 гг.): дисс. ... к. ист. н. Иркутск, 1958. 260 с.
26. Плеханова А. М. Налогообложение сельского населения Бурят-Монгольской АССР в период нэпа // Власть. 2010. № 8. С. 131-133.
27. Плеханова А. М. Социальная дифференциация крестьянства Бурят-Монголии в период нэпа // Власть. 2011. № 2. С. 148-151.
28. Плеханова А. М., Чимитова Д. К., Номоева В. В. Бурят-Монгольская АССР в условиях новой экономической политики: в 2-х кн. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. Кн. 1. 214 с.

29. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 2.
30. Рукавишников И. А. Пределы земельного обеспечения населения Бурятии (земельные нормы). Верхнеудинск: Тип. Ц.С.Н.Х. Б.-М. А.С.С.Р., 1927. 73 с.
31. Сельскохозяйственная перепись 1923 г.: хошунные итоги по восточным аймакам Б.М.А.С.С.Р. (Троицко-савскому, Верхнеудинскому, Баргузинскому, Хоринскому и Агинскому). Верхнеудинск, 1926. 67 с.
32. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 347 с.
33. Тумурхонова Н. В. Материалы сельскохозяйственной переписи 1923 г. как исторический источник изучения крестьянского хозяйства Бурят-Монгольской АССР // Забайкальская деревня: история и современное состояние, перспективы развития: сборник научных статей. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. С. 77-89.
34. Тумурхонова Н. В. Сельскохозяйственные переписи как исторический источник изучения забайкальской деревни (1916-1929 гг.): дисс. ... к. ист. н. Улан-Удэ, 2009. 199 с.

Информация об авторах | Author information

RU**Тумурхонова Нина Васильевна**¹, к. ист. н.**Будаева Татьяна Владимировна**², к. ист. н., доц.^{1,2} Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, г. Улан-Удэ**EN****Tumurkhonova Nina Vasilyevna**¹, PhD**Budaeva Tatyana Vladimirovna**², PhD^{1,2} The Buryat State Academy of Agriculture, Ulan-Ude¹ kilo1976@mail.ru, ² tan.budaeva@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): Бурят-Монгольская АССР; новая экономическая политика; единый сельскохозяйственный налог; найм рабочей силы; землеустройство; The Buryat-Mongolian ASSR; New Economic Policy; single agricultural tax; recruitment of workers; land management.